КРОКОДИЛ

№ 25 МОСКВА 1944 ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА» ГОД ИЗДАНИЯ XXIII ЦЕНА НОМЕРА — 40 КОП.

Рис. М. Черемных

— Так будьте здоровы, живите богато,
А мы добивать будем Гитлера-ката!..

Рис. И. Семёнова

Самоврёт-снаряд.

ОТ СОБСТВЕННОГО КОРРЕСПОНДЕНТА

БЕРЛИН. На обеде в честь прибытия в Германию Муссолини последний в своём выступлении любезно заявил: «Ещё недавно все дороги вели в Рим, а в настоящее время можно сказать, что все дороги ведут в Берлин». Впечатление от этого тоста было огромное. Фюреру оказана срочная медицинская помощь.

БЕРЛИН. Здесь категорически опровергают сообщение мировой печати об огромных потерях немцев в Белоруссии. «Что касается, например, высшего командного состава, — заявляют в официальных германских кругах, — то нами за последнюю неделю потеряна только одна рота генералов».

РИГА. По сообщению сейсмографических станций, в районе Прибалтики началось сильное немцетрясение.

МИНСК. Крестьяне окрестных сёл и деревень приступили к сбору грибов, ягод и других болотных и лесных продуктов, как то: дикорастущих фрицев.

НА ДРАПМАГИСТРАЛИ

Рис. В. Васильева

Население Восточной Пруссии срочно эвакуируется.

— Торопитесь, герр Мюллер!.. А то не захватим жизненного пространства на грузовике.

Канитель

(СОВСЕМ НЕ ПО ЧЕХОВУ)

В КРЕСЛЕ сидит фюрер и держит между вытянутыми, дрожащими пальцами огрызенный карандаш. Маленький лоб его собрался в морщины, на носу играют пятна всех цветов, начиная с малинового белорусского и кончая тёмносиним нормандским. Перед ним лежат две бумажки. На одной из них написано «хейль», на другой — «капут»... Около кресла стоит генерал, начальник штаба, с озабоченным лицом.

— Дальше кого? — спрашивает Гитлер, нервно пощипывая усики. — Скорей, убогий, думай, а то мне некогда! Сейчас донесения с фронтов буду читать.

— Сейчас, батюшка... Ну, пиши... Хейль 147-й и 83-й пехотной дивизии со штабы... 17-му корпусу, опять 32-й, 118-й, 93-й дивизии.

— Постой, не шибко... Не из Минска скачешь, успеешь.

— Написал про 93-й? Ну, теперь про 119-ю, 34-ю, новосформированную 74-ю, 63-ю... Записал усопшую 63-ю?

— Постой... 63-я померла?

— Померла. Под Бобруйском.

— Так как же ты велишь в «хейль» записывать? — сердится фюрер, зачёркивая 63-ю и перенося её на другую бумажку.— Вот тоже ещё... Ты говори толком, а не путай. Кто ещё «капут»?

— «Капут»? Сейчас... постой... Ну, пиши... 12-я пехотная дивизия... Запиши воина Голльвитцера, генерала от инфантерии... Как пошёл он в Витебск, так о нём ничего и не слыхать... От инфантерии — так и пиши.

— Стало быть, он помер?

— В плен попал. Хенде хох! Ты пиши...

— Куда же я его запишу? Ежели, скажем, помер, то — «капут», коли жив,— «хейль»...

— Гм... Ты, родименький, его на обе записочки запиши, а там видно будет... Записал? А заодно запиши и генерал-лейтенанта Хиттера и полковника Шмидта.

— Всё витебские?

— Витебские, родной, витебские. А сейчас пиши могилёвских. Пиши и пиши. Слава богу, есть что писать. Генерал-лейтенант Баллер со штабы и могилёвский комендант генерал-майор Эрдмансдорф... А сейчас пиши... Постой... 118-ю дивизию записал?

— Вот она. Записана. «Хейль».

— Это 118-я дивизия «хейль»? Она же была под Бобруйском. И вдруг «хейль»!

— Тьфу! Ты кочерыжка, совсем меня запутал. А 47-я?

— Тоже.

— И 47-я «капут»?

— А как же? Непременно. Минское направление.

Фюрер обливается потом.

— Я их всех гуртом запишу,—говорит он,—а ты неси их к Геббельсу... Пусть Геббельс разберёт, кто здесь живой, кто мёртвый. Он и из мёртвых сделает живых.

Генерал берёт бумажку и, кряхтя, семенит в министерство пропаганды.

Г. РЫКЛИН

Нахлынули воспоминания...

НА ПИСЬМЕННОМ столе беспорядочной грудой лежат не терпящие отлагательства государственные и военные дела, документы, ноты, схемы. Но фюрер уже давно не прикасается к бумагам. Севши верхом на всю эту груду, он беседует со своими помощниками на посторонние темы.

Адъютант, воспользовавшись паузой, скороговоркой вставляет фразу:

— Осмелюсь доложить, мой фюрер, что русские в районе Барановичи прорвали...

— Я знаю, — отзывается Гитлер. — Прорвали... В районе Барановичи?.. Да... о чём это я? Ах, про 39-й год. Можешь себе представить: май месяц, цветы, почки, птички и всё прочее... Я отдаю приказ — и мои войска занимают Чехословакию.

— Но осмелюсь напомнить насчёт Белоруссии...

— Лучше я тебе расскажу вот что: сентябрь 39-го же года. Объявляю я войну Польше. И что же ты, братец, думаешь?..

Но тут раздаётся стук в дверь. Гитлер, недовольно морщась, кричит:

— Да! Войдите! Кто ещё там?

Входит толстый штабной генерал:

— Прошу прощения, мой фюрер. Важное сообщение с русского фронта. Русские опять окружили...

Гитлер нетерпеливо машет рукою:

— Мне это неинтересно, генерал. Несите в главный штаб.

Гитлер, поворачиваясь к адъютанту, продолжает:

— Да, объявляю я Польше войну. Как сейчас помню, — первого сентября. В Польше, натурально, паника, разва...

Но адъютант, воспользовавшись случаем, уже удрал. Гитлер чешет затылок:

— Гмм... когда же это он улизнул? А я, генерал, как раз рассказывал ему про 39-й год... Разбиваю я, как сейчас помню, эту Польшу и устраиваю парад в Варшаве. На мне — мундир рейхслейтера, знаешь, с таким золотым шитьём вот здесь на петлицах, здесь и здесь — на заду.

— Я же сам был на параде, мой фюрер,— деликатно напоминает генерал.— Я побегу, мой фюрер...

— Сиди. Да... Появляюсь я на параде. На мне белые штаны, золотое шитьё на заду...

— Я же знаю все ваши штаны. Я пойду лучше.

— Как хочешь, — обиженно поджав губы, говорит Гитлер, — тогда пришли мне когонибудь из штаба.

Но присылать никого не надо, так как в кабинет почти без стука вбегает дежурный офицер:

— Мой фюрер, разрешите доложить: телефонограмма из Мюнхена сообщает, что там происходит грандиозный дневной налёт. «Летающие крепости» идут волнами...

Гитлер, зевнув, перебивает офицера:

— Иди к Гиммлеру. Он ведь у нас отвечает за воздушную оборону... Да... я и говорю, генерал: надеваю я, значит, белые... Чорт! И этот удрал. Тогда вот что,— офицер, я тебе говорю! Перестань суетиться. Послушай лучше, что я тебе расскажу про 39-й... нет, про 40-й год... Вторгаюсь я, понимаешь ли, в Данию и сразу — в Норвегию. Хорошо. Натурально, даю парады моим войскам и в Осло и в Копенгагене.

— Виноват, мой фюрер: там кто-то пришёл к вам... Разрешите, я погляжу...

— Чего там глядеть? Кто пришёл, сам заявится сюда... Ты лучше слушай... Убежал!.. Ну, кто там ещё?!

— Это я, мой фюрер. Курьер из Нормандии от генерал-фельдмаршала Роммеля. Фельдмаршал доносит, что союзные войска прорвались к югу от...

— А почему ты ко мне лезешь с этим? В штаб, в штаб, в штаб. Хотя — стой! Слышал ты, как в 40-м году я занял Голландию и Бельгию? Как сейчас помню: приезжает ко мне бельгийская делегация...

— Я про это читал, мой фюрер.

— Постой, это ещё не всё. Значит, назначаю я парад в Гааге. Хорошо. И как назло перед самым парадом схватываю я насморк...

— Мой фюрер, получено сообщение, что русские начали наступление на фронте шириною...

— Вот опять!.. Опять — ко мне!.. Что у вас нету другого места, чтобы сваливать неприятности?!. Нет, вы погодите, я вам что расска... Убежали, черти!..

Фюрер, вздохнув, ходит по своему кабинету. Взгляд его попадает на большой портрет Бисмарка, висящий на стене. Он приближается к портрету и, потрогав изображение серебряной пуговицы на расстёгнутом сюртуке Бисмарка, начинает:

— Можете себе представить, коллега, когда я принимал французскую мирную делегацию в знаменитом вагоне Фоша — ну, в этом Компьенском лесу, залезла ко мне за пазуху одна, знаете, блоха. И ну кусать. Тут французы лопочут речи, Кейтель отвечает за меня тоже эдакой речищей, а блоха меня грызёт и грызёт... И пошевелиться нельзя... Умора, не правда ли?..

Гитлер принуждённо хихикает и подхалимски взглядывает на писаное маслом лицо Бисмарка. Но тот глядит попрежнему сурово. И фюрер отходит в сторону. Он шепчет:

— Всё в прошлом... всё...

В. АРДОВ

Действующая армия.

ПРИСЕЛИ ПЕРЕД ДОРОГОЙ

Рис. Ю. Ганфа

ПЕТЭН: — А что будет, если немцы нас забудут?

ЛАВАЛЬ: — Это ещё полбеды! Вот что будет, если французы нас не забудут!

И ТАМ И ТУТ

Рис. Г. Валька

— Мой фюрер, наши войска продвинулись на восток!..
— Хайль!
— Да, но на Западе.

— Мой фюрер, наши войска продвинулись на запад!..
— Хайль!
— Да, но на Востоке.

ШТУКАТУРКА И «ФЮРЕР»

Немец из Кёльна встретил берлинца и стал жаловаться на бомбардировку Кёльна.

— У нас англичане так бомбили, что три часа штукатурка обваливалась.

— Ну что у вас в Кёльне! — отвечает берлинец.—Вот у нас в Берлине была бомбёжка—так из всех этажей на мостовую три дня портреты фюрера сыпались!

Вторая натура

После просмотра в министерстве пропаганды документального фильма «Танки на Востоке» кинорежиссёр Карл Шмерке вернулся домой расстроенный и злой, дал подзатыльник подвернувшемуся под руку сыну Фрицу, а жене Амалии сказал:

— Фильм забраковали! Всё придётся переснимать сначала!..

— Почему, Карл?

— Они сказали, что у меня всё сшито белыми нитками.

— Я не виновата, Карл, что мне приходится чинить твой пиджак белыми нитками. Сейчас война, других — нет!

— Дура! Они имели в виду фильм, а не пиджак. Хотят правдоподобия от нашей хроники, а сами дают мне не актёров, а каких-то тотальных идиотов. Ты знаешь, что сделал Шугель? На него идёт русский танк. Шугель должен бросить под его гусеницу гранату. Так этот идиот сначала чешет себя за ухом гранатой, а уж потом её бросает. Его, видите ли, комар укусил во время съёмки.

— А зачем же ты его снимал, Карл, если видел, что он чешется гранатой?

— Меня, наверное, самого в этот момент укусил комар, я тоже чесался и... не заметил!

Юный Фриц Шмерке засмеялся деревянным смехом. Побагровев, папа Шмерке схватил сынка за шиворот и с наслаждением стал крутить жёсткими пальцами его большое бледное ухо.

— У отца неприятности, а ты смеёшься, свинёнок!..

— Оставь его, Карл! — заступилась за своего отпрыска сердобольная мама Шмерке.— Посмотри: ты почти оторвал ему левое ухо!

— Хватит с него и одного правого! Убирайся вон, негодяй!.. Я пойду лягу, Амалия!.. Завтра с шести утра я начинаю съёмку сначала! Мне пришлют настоящих солдат — ветеранов Востока. Для полного правдоподобия. Они-то уж не подведут!

Ровно в 6 часов утра создатель документального фильма «Танки на Востоке» стоял на пустыре среди развалин разбомблённого берлинского дома и объяснил прибывшим на поле боя ветеранам Востока их боевую задачу.

— Дело происходит в Белоруссии! — говорил Карл Шмерке.— Понимаете? Держите себя так, как на фронте.

Ветераны Востока нервно вздрогнули, а один, безухий, с укороченной ногой, даже попятился, нарушив строй.

— Вы держите на этом рубеже железную немецкую оборону,— продолжал Шмерке,— русские танки хотят прорваться, но вы задаёте им перцу. Понимаете? Гранаты будут без взрывателей, но это неважно. Вы ведёте себя так, как будто вы на фронте. Чем больше правдоподобия, тем лучше. Занимайте позицию! Марш!

Ветераны Востока переглянулись и нехотя полезли в заблаговременно вырытую траншею.

Безухий крестоносец через две минуты вылез обратно и заявил, что для полного правдоподобия ветеранам требуется по полфляжки шнапса на нос.

Пришлось дать ветеранам шнапса.

— Приготовились! — закричал в рупор Карл Шмерке.— Сейчас появятся танки!

Раздались грохот моторов и скрежет гусениц. Из-за развалин выдвинулся «русский» танк и, стреляя вхолостую, двинулся на траншею.

— Бросайте гранаты! — скомандовал Шмерке.— Задайте ему перцу!

Но тут произошло то, чего никак не ожидал создатель документального фильма «Танки на Востоке».

Ветераны с поразительной резвостью выскочили из траншеи и бросились врассыпную.

Безухий крестоносец с укороченной ногой, визжа, мчался прямо на съёмочный аппарат. Не успел кинорежиссёр ахнуть, как, свалив аппарат, безухий скрылся в ближайшей канаве.

С большим трудом удалось Шмерке снова собрать рассыпавшихся по пустырю ветеранов.

— Попробуем решить другую задачу,— миролюбиво сказал кинорежиссёр.— Вы, предположим, ведёте бой с русскими автоматчиками. Несколько очередей—и русские сдадутся вам в плен. Вот вы — первая пятёрка — будете русскими, а вы — вторая пятёрка — немцами. Задача простая, как сосиска. Отто, наденьте на них русскую форму.

Помощник Шмерке, долговязый Отто Штук, увёл отобранных немцев переодеваться, остальные, вздыхая, полезли снова в траншею.

— Приготовились! — скомандовал Шмерке, когда всё было готово.—Отто! Выпускайте русских! Начали!

Из-за развалин появились немцы, переодетые в красноармейскую форму, и, строча из автоматов, побежали на траншею.

Шмерке с удовольствием стал крутить ручку съёмочного аппарата.

Но как только из траншеи ответили на выстрелы,— Многие из наступающих «русских» и обороняющихся «немцев» вдруг разом побросали автоматы, подняли руки и заголосили на ломаном русском языке:

— Рус, сдаюсь! Рус, не стреляй!

Карл Шмерке выругался и прекратил съёмку.

Через десять минут он уже звонил по телефону в министерство пропаганды и нервно говорил:

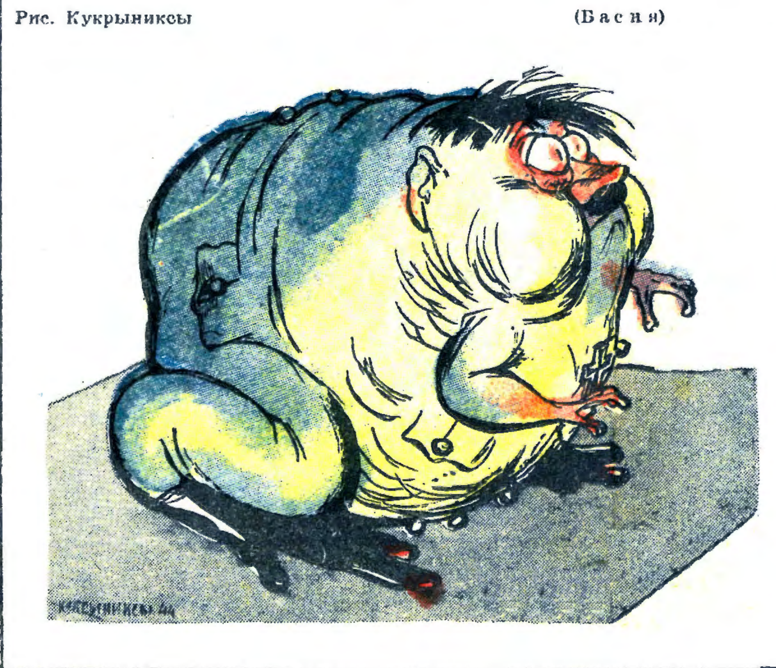
— Правдоподобие? Нет, правдоподобия хватает, господин доктор! Но у нас получается... как бы вам сказать.., очень уж натуралистически. Фронтовые привычки? Вот именно фронтовые привычки, господин доктор... Давайте лучше работать с актёрами! Слушаю! Завтра с утра начинаю всё сначала!

Леонид ЛЕНЧ.

ЛЯГУШКА И ГЛОБУС

Рис. Кукрыниксы

(Басня)

„. . . С натуги лопнула и околела . . .“
(И. А. Крылов)

Увидев глобус за стеклом окна,
Задумала лягушка с ним сравниться —
Завистлива была она —
И ну топорщиться, пыхтеть и надуваться.
— Следите, — говорит, — за мной:
Раздуюсь я, как этот шар земной.
Вы, люди, на меня смотрели в микроскопы,
Когда же слопаю я все края Европы,
Когда Америку я съем
И Африку и Азию затем,
Придётся наблюдать лягушку в телескопы!
Ква-ква.
Смотрите: вот я какова!
Поверить мудрено, но сказка говорит:
Европу проглотив от Франции до Польши,
От скал Норвегии по самый остров Крит,
Во много-много раз лягушка стала больше.
За нею наблюдал учёный в телескоп,
Но кожа у неё надулась до предела
И вылезли глаза её на лоб...
Лягушка жадная пыхтела да пыхтела,
Громадной сделалась и круглой, как арбуз.
Но, проглотить желая наш Союз,
С натуги лопнула и — околела.

С. МАРШАК.

Рис. К. Елисеева

Котелок варит.

«ПРОВИДЕЦ»

Немецкая газета «Фленсбургер нахрихтен» пишет: «Уверенность в том, что вторжение все-таки состоится, было результатом гениального предвидения фюрера».

Когда к верёвке подведут
Правителя Германии,
«Какой я гений, — скажет он, —
Я это знал заранее!»

Л. ВЫШЕСЛАВСКИЙ

Рис. Л. Бродаты

Многие финны бегут в Швецию.

— Как хорошо, что наша «великая» Финляндия такая маленькая: можно легко добежать до Швеции.

Сочинские постановки

В Сочи очень любят оперное искусство.

Причём речь идёт не об увлечении тем или иным голосистым тенором. Нет, здесь целая группа местных жителей всем своим, так сказать, грешным бытом увязла в оперных постановках. Даже жёны их, сидя в истоме под пальмами, говорят всё на одну и ту же тему.

— Скажите, милая,— спрашивает супруга заведующего реперткомом Данильченко жену директора театра Леокумович,—какая из постановок Ленинградской бывшей Мариинской оперы вам больше всего понравилась: «Демон», «Пиковая дама», «Травиата»?..

Жена директора на секунду задумывается:

— Пожалуй, больше всего — «Травиата»... Там была прекрасная бархатная занавесь, из которой вышли отличные костюмчики для детей...

— А мужу?

— Мужу ничего не вышло... Хотели взять фрак Альфреда, но в нём как-то неловко ходить на службу.

Супруга заведующего реперткомом улыбнулась:

— Вы меня не поняли, дорогая... Я хотела узнать, что самому Леокумовичу больше всего понравилось у ленинградцев?..

— Мужу — «Кармен»... Во-первых, это декорации Коровина, а во-вторых, их как-то особенно хорошо раскупали... А вашему?

— Моему вообще всё оформление очень понравилось...

Мадам Леокумович широко раскрыла глаза:

— Всё?.. Даже как-то странно для реперткома...

Но мадам Данильченко уже успела исправить свою ошибку:

— Ну, конечно, не всё целиком, а главным образом деревянные части... Отличное сухое оформление... У нас всю зиму им квартира отапливалась.. Очень тепло было... Так греть могло только настоящее искусство...

Этот странный разговор под субтропическими пальмами станет более ясным, если читатель узнает, что в Сочи предстояли гастроли театра имени Кирова и за две недели до войны туда прибыло из Ленинграда 40 вагонов декораций, в том числе «Пиковая дама» в оформлении Бенуа, «Демон» Коровина и «Кармен» Головина.

Всё это декоративное богатство два года пролежало в сейфах местного театра, пока на него не упал косой взгляд нового директора, Леокумовича.

Началось, как всегда в таких случаях с мелочей:

— Что это там ещё за палки торчат, а?

— Это не палки, товарищ Леокумович, а рейки-штанкетки от ленинградских декораций...

— Ого, сколько!.. Возьмите-ка, голубчики, и сделайте мне палисадничек около дома... Там всего метров пятьдесят... Заодно и главному бухгалтеру виноградник огородите...

Потом некоему учреждению в городе понадобилась скатерть на стол для президиума.

— Так у нас же есть красная рипсовая занавесь... Ленинградская... Метров 200...

— Да, но ведь эта занавесь из «Вертера», товарищ Леокумович...

Но директор только нетерпеливо отмахивался:

— А что для нас на данном этапе важнее: «Вертер» или президиум?.. Знаешь, кто в президиуме сидеть будет?.. То-то и оно... Вертер тебе выговор не влепит...

И пошло.

Живописный холст резали на шторы для затемнений, упаковывали в него ящики с лимонами и даже отпустили какому-то цыганскому ансамблю на кочевые палатки.

Затем декорации стали продавать в розницу гастролирующим в Сочи театрам.

— А куда попало оформление «Пиковой дамы» работы Бенуа?

— В разные руки... Задник с видом на Петропавловскую крепость я продал в Тбилиси, а решотку Летнего сада и Канавку Зимнего дворца Домбику в ансамбль Музыкальной комедии ВГКО... Так что теперь в Канавку будет бросаться не Лиза, а Марица...

— А куда же теперь будет бросаться Лиза?

Леокумович тяжело вздохнул:

— Лиза бросилась в прокуратуру...

— То есть, как это бросилась в прокуратуру?

— Ну, конечно, не сама Лиза, а режиссёр Бужановский, приехавший из Ленинграда... Когда он узнал, что их декорации, так сказать, тю-тю, то сейчас же подался к сочинскому прокурору Ткачёву...

— А как поступил прокурор?

Директор нежно и благодарно улыбнулся:

— Точь-вточь, как Герман... Притворился влюблённым, долго канителил и обманул...

Правда, Лиза в жизни оказалась более настойчивой, чем в опере. Она упорно стала долбить телеграммами краевую прокуратуру в Краснодаре и Комитет по делам искусств в Москве. Из Краснодара дело затребовали к себе, а из Москвы один за другим выехали два ревизора с этакими полными юмора фамилиями — Мнюх и Клюк...

— Ну, они что-нибудь у вас обнаружили, эти Мнюх и Клюк?

— Мнюх обнаружил 9 ящиков лимонов... Вероятно, он до сих пор ещё пьёт с ними чай в Москве... А в Клюке мы сами обнаружили весьма свойского парня.

Все замолчали и стали глядеть на море. Неподалёку от берега кувыркался дельфин, точно радуясь, что он хотя и живёт около Сочи, но не брал у Леокумовича ни лимонов, ни бархата, ни даже ковра для служебного кабинета.

— А коровинские декорации «Демона» куда делись?

— Дом Гудала и гору Казбек я продал в Тбилиси Драматическому театру имени Грибоедова... На фоне Казбека они сейчас «Суворова» играют... А второстепенные холсты...

— Позвольте, позвольте, как же можно на фоне хорошо всем знакомого Казбека играть «Суворова»?!

— Играют как-то... Публика, конечно, обижается: обещали, мол, что старый фельдмаршал пойдёт у них в итальянский поход, а он просто поехал по Военно-Грузинской дороге...

Почему сочинские организации проявили так мало интереса к инциденту с декорациями, понять трудно. Может, субтропический климат так размагничивающе действует? Может, они в искусстве больше ценят Леокумовича, чем Бенуа? Может, им шторы для затемнения в Сочи дороже, чем оперные спектакли в Ленинграде?

Но вялость некоторых работников Комитета по делам искусств никаким субтропическим климатом не объяснишь.

Заместитель начальника Управления музыкальными учреждениями Оськин, которому непосредственно подчинён Леокумович, просто махнул рукой:

— Ах, склока!

А в Театральном управлении, куда Бужановский обратился с просьбой отобрать хотя бы те декорации, которые обнаружены в Тбилисском театре, в Музкомедии ВГКО, Ростовской оперетте и в других местах, нерешительно сказали:

— Право, не знаем, как быть... Ведь они же всё-таки деньги платили...

— Да, но декорации-то краденые!.. Этак я завтра продам кому-то церковь Василия Блаженного...

— Так-то оно так, но всё-таки...

— Что всё-таки?

— Деньги же... плачены...

Театр имени Кирова уже вернулся из Молотова в Ленинград, а бедная Лиза из «Пиковой дамы» всё еще стоит на сочинском берегу и унылым голосом поёт:

«Уж полночь близится, а Германа всё нет...»

Кого она подразумевает под Германом — прокурора ли республики или представителя Комитета по делам искусств,— неизвестно...

Евг. БЕРМОНТ

В СУББОТУ И ПОНЕДЕЛЬНИК

Если бы сам Зевс-Громовержец внезапно вернулся на свой Олимп и застал там ржавые банки из-под консервов, грязные бумажки и другие нечистоплотные следы человеческого пребывания, он бы не смог громить и молнировать яростнее, чем это сделал С. Прыткин, собственный корреспондент.

Он приехал в город Кемерово в субботу утром и выехал оттуда в эту же субботу вечером, увозя с собой отвратительные впечатления, прилипчивые, как уличная пыль, которой он был покрыт с головы до ног.

«Улицы!— писал, питая ядом своё перо, С. Прыткин.— Разве можно назвать культурным словом «улица» это вместилище миазмов и бацилл, где наряду с грудами картофельной шелухи и горами печной золы разлагаются рыбьи внутренности и обыкновенные домашние кошки!»

«Выкинет у меня редактор кошку!» — подумал С. Прыткин и продолжал:

«Местные сирены (сирен он мне тоже не позволит, ну и чорт с ним!) выплёскивают содержимое своих помойных вёдер из окон на беззащитных прохожих...»

Корреспонденция была послана телеграфом.

Когда С. Прыткин, горя чувством честно исполненного долга, вошёл к редактору, его ждал афронт.

— Где вы были? — накинулся на него редактор.— Какой город описывали? Вот Б. Микиткин (это был корреспондент соседней газеты), посмотрите, что он написал! Душа радуется. А был в том же самом Кемерове.

Редактор сунул ему газету. С. Прыткин принялся читать:

«Тут были площади, опрятные, словно фарфоровые блюда, и только что вспрыснутые и разглаженные заботливой метлой улицы, и ветерок, разносящий ароматную свежесть садов, и, наконец, ясные глаза председателя горсовета, в которых отражалась голубиная чистота родимого города...»

— Я его выведу на чистую воду! — с этими словами С. Прыткин ринулся на поиски Б. Микиткина.

Через некоторое время он появился, торжествующий, в сопровождении неопределённо улыбающегося Микиткина и ещё третьего, незнакомого, с лицом, полным готовности и надежды.

— Я сам искал случая посоветоваться, — сказал незнакомый. — Я кемеровский старожил. Ваши корреспонденты правы — и тот и другой. Дело в том, что С. Прыткин посетил наш город в субботу, а Б. Микиткин побывал в понедельник. А между субботой и понедельником было воскресенье.

— Спасибо, — сказал редактор, — чем ещё порадуете?

— А тем, что по воскресеньям у нас практикуются воскресники — мероприятия по борьбе за чистоту, санитарию и гигиену. Мы в этот день, стар и млад, не только не плюём и не пачкаем на улицах, нет, мы, наоборот, метём, поливаем и скребём! В понедельник наш городок чистенький и свеженький, как парниковый огурчик. Вот именно как его красочно живописал тов. Б. Микиткин. Ну, а со вторника мы уже начинаем сорить. И валим опять-таки вплоть до воскресенья, создавая картину, отмеченную С. Прыткиным.

— Вот вам! — торжествующе сказал С. Прыткин.

Но редактор строго посмотрел на него и сказал:

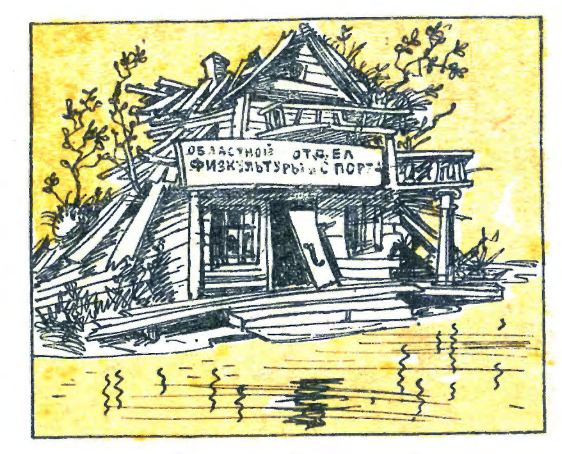
— А торжествовать, во всяком случае, совершенно нечего!

И он был, конечно, прав, как и подобает всякому ответственному редактору. Действительно, что ж тут торжествовать?

В. КАРБОВСКАЯ

Рис. А. Каневского

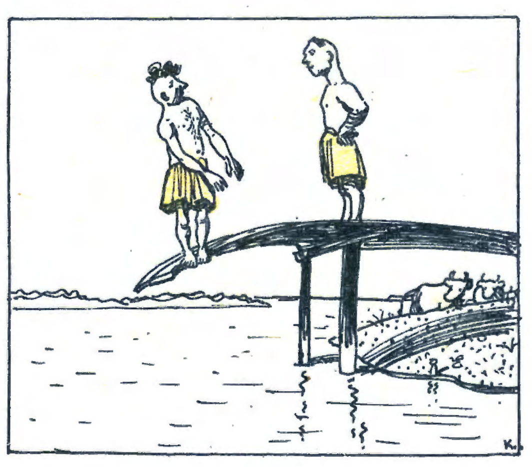
В Ульяновске развалена физкультработа.

Есть на Волге утёс,
Диким мохом оброс...

ЧОРТ (на стадионе): — Нет, здесь я не побегу. Ногу сломать можно.

— Нырять умеешь?
— Наполовину. Нырнуть могу, а вынырнуть — нет.

Дорогой Крокодил

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Уважаемый Крокодил!

Есть вопросы, на которые ответы сами напрашиваются. Например, для чего предназначены ванны? Для чего созданы комнаты матери и ребёнка?

Я заранее могу предсказать твои ответы. Увы, дорогой Крокодил, ты попал пальцем в небо!

По крайней мере в Москве, на Киевском вокзале, в ванной мне не разрешили выкупать своего ребёнка, там ванная комната существует только как макет.

А в самой комнате матери и ребёнка, куда я попала после 18-дневного путешествия из Приморья с двухмесячным ребёнком, нас потревожили в 6 часов утра и начали генеральную уборку: ожидалась какая-то комиссия. Десять часов я продержала ребёнка на руках, пока не отошёл мой поезд.

После всего ответь ещё на один вопрос: что за комиссия, создатель, была на Киевском вокзале и какие она сделала выводы? Боюсь, и на этот вопрос тебе не ответить.

ГАЛИНА МИРОНЕНКО,
агроном.

г. Ромны, УССР.

●

Дорогой Крокодил!

Если у входа в Барнаульский сад железнодорожников увидишь плакат «Добро пожаловать!», не верь глазам своим. В течение дня, даже в выходной, сад закрыт. Туда можно попасть только вечером и то за плату.

И получается, что в плакат нужно внести маленькую поправку, чтобы он читался «Добро пожаловаться!», ибо жаловаться, как видишь, есть на что.

И. СКВАРЧЕНКО.

Барнаул.

●

Дорогой Крокодил!

Каждый день мы ходим в мастерскую издательства «Социалистический Донбасс» (город Сталино) за круглой печатью, заказанной для нашей АТС, и каждый день получаем от издательства один и тот же ответ:

— Ваша печать уже готова. Очень хорошо сделана. Но выдать её не можем. Видите ли, нашему заведующему издательством тов. Венгерову нужен телефон. Понимаете? Поставьте ему аппарат — и вы немедленно получите ваш заказ. Будьте здоровы! Заходите!

Выходит, значит, если тебе, дорогой Крокодил, понадобится что-нибудь заказать в издательстве «Социалистический Донбасс», то будь добр сначала напечатай что-нибудь хорошее про это издательство, а потом уж суйся.

А. ПАВЛЮЧЕНКО,
начальник АТС.

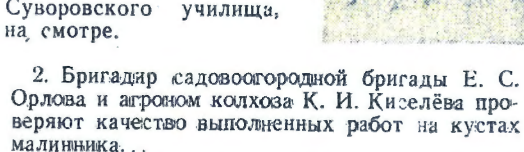
г. Сталино.

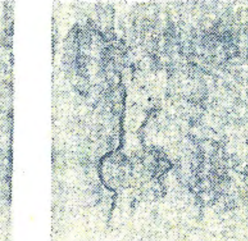
СПЛОШНОЙ ТУМАН

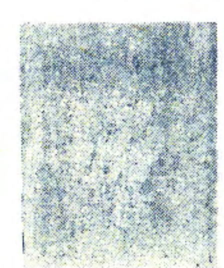
Что изображено на этих фотографиях?

По уверениям газеты «Бакинский рабочий», в которой напечатаны указанные снимки 7 июня, здесь изображено:

1. Будущие советские офицеры, воспитанники Суворовского училища, на смотре.

2. Бригадир садовоогородной бригады Е. С. Орлова и агроном колхоза К. И. Киселёва проверяют качество выполненных работ на кустах малинника...

3. Один из главных проспектов в городе Ставрополе.

Вот интересно!

А мы по наивности своей думали, что на первом фото изображено полное затмение луны, на втором — землетрясение в Мексике, а на третьем — густой туман в Ледовитом океане.

КАК ЗА ЛЕСОМ . . .

(Песня)

Как за лесом поле чистое лежит,
А по полю враг в Германию бежит,
Д'эх, улепётывает!
Хлещет немца по загривку пулемёт,
Сват Максим Максимыч жару поддаёт.
Эх, раз и два, поддаёт,
Он чечёткой открывает хоровод.

А невеста под берёзкою стоит,
Красавица-пушка басом говорит,
Д'эх, приговаривает!
— Не спеши ты, фриц, в Германию домой,

Ты туда не ступишь больше ни ногой!
Эх, раз и два, ни ногой,
Ты нам здесь заплатишь, немец, головой.

А Катюшенька-сестричка ей вторит,
Точно буря с градом по лесу гудит,
Д'эх, так и чешет она!
— На свою ты, немец, к нам пришёл беду,

Хоть беги, хоть не беги, а я найду.
Эх, раз и два, я найду,
Почешу тебе затылок находу.

На опушке рявкнул батя-миномёт:
— От меня так просто немец не уйдёт.
Д'эх, сам притоптывает!
— Я хоть мал, а тёщу-мину залущу,
Все три шкуры с немца дочиста спущу.

Эх, раз и два, запущу,
Уж по-русски, хлебосольно угощу.

А за батей гаркнул и жених Иван,
По прозванью Грозный, ростом великан,
Д'эх, вот так сажень в плечах!
— Я те, немец-забулдыга, побегу!
Да как ящиком заедет по врагу.
Эх, раз и два, по врагу,
— Не таких ещё сгибали мы в дугу!

Хоровод в лесу и пляшет и кружит,
Сердце матушке-пехоте веселит,
Д'эх, подзадаривает!
Веселись в бою, солдатская душа,
С нашей техникой победа хороша!
Эх, раз и два, хороша,
Веселись в бою солдатская душа!

Дмитрий СЕДЫХ.

ЭГОИСТ

Рис. Л. Бродаты.

— Мой фюрер, на русском фронте погибло много генералов!
— Чорт с ними! Меня сейчас главным образом интересует судьба одного ефрейтора.

Редакционная коллегия: Д. ЗАСЛАВСКИЙ, В. КАТАЕВ, КУКРЫНИКСЫ (М. КУПРИЯНОВ, П. КРЫЛОВ, Н. СОКОЛОВ), Г. РЫКЛИН (отв. редактор). Рукописи не возвращаются

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. „Правды", 24; тел. Д 3-32-50, Д 3-33-47. Приём ежедн. с 1 до 5 часов. Подписная цена на журнал — 1 р. 60 к. в месяц.

Изд-во ЦК ВКП (б) „Правда".

Москва. Изд. № 444. Подписано к печати 26/VII 1944 г. Статформат 72×105 см. Печ. л. 1. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000.

А5214. Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24. Заказ № 1636. Тираж 100.000 экз